

ЗОЩЕНКО И ШОСТАКОВИЧ

Шостакович не писал на тексты Зошенко. Но, когда я, работая над биографией Шостаковича, спросила его, не было ли общих планов с Зошенко, Дмитрий Дмитриевич ответил: "Были такие задумки, были", однако разъяснять не стал, зато охотно и с удовольствием вспоминал о необычном характере писателя, о том, как он появился в доме Шостаковичей и стал близким человеком.

Произошло это в конце двадцатых годов, когда, преодолев тяжелую депрессию и физические недомогания, Зошенко потянулся к людям. Победив непреодолимую тоску, он нуждался в общении и в семье Шостаковичей нашел то, чего был долго лишен в своей трудной неустроенной жизни: тепло, отзывчивость, понимание, такт.

Семья была очень гостеприимной, открытой, с горячим интересом ко всему, что происходило в литературе. Это было традицией еще с той далекой поры, когда сосланный в Сибирь дедушка Болеслав написал там воспоминания. Как рассказывал кинорежиссер Сергей Юткевич, в их квартире на улице Марата, в доме 9, чуть ли не ежевечерне собирались компании. Тон юмористическому, а иногда и сатирическому настрою задавал язвительный Иван Соллертинский. Каламбуры, шутки часто облекались в стихотворную форму, в чем участвовал и

Шостакович. По многим свидетельствам можно представить себе колоритную картину веселого общества молодых людей, еще не потерявших веру в переустройство страны, считавших сатиру благодатным средством обновления, талантливо заявивших себя в литературе и искусстве. И среди них красивый, деликатный сатирик Зошенко, совсем не похожий на мастера смеха, в обиходе словно лишенный юмора. Печальный, молчаливый, предупредительный, Зошенко нравился женщинам и сам был влюбчив: ухаживал за сестрами Шостаковича Зоей и Марией. Мать Шостаковичей, Софья Васильевна, встречала его с большой симпатией, старалась угостить, расшевелить, заинтересовать игрой в карты. Впоследствии Дмитрий Дмитриевич с улыбкой пояснял, как нечто важное для Зошенко: "А в карты он играть не умел. Не научился".

Нет сомнений, что музыку Шостаковича и, в частности, тогда поставленную и потерпевшую неудачу оперу "Нос", Зошенко одобрял: противников этой оперы Шостакович в своем доме не принимал и знаться с ними не хотел. В 1931 году Зошенко присутствовал на премьере балета "Болт". Сохранилось фото послепремьерного ужина у Шостаковича, где Зошенко среди близких друзей композитора, участников спектакля. На фото: в центре — Д.Шостакович; на коленях у него Т.Вечеслова,

танцевавшая в спектакле; третий слева (стоит) — М.Зоценко; в верхнем ряду крайняя справа — Г.Уланова, в нижнем ряду крайний справа — И.Соллертинский. Как полагала Мария Дмитриевна, Шостакович обсуждал с Зоценко новые сатирические балетные сюжеты. Некоторые рассказы Зоценко читались вслух и разыгрывались на вечерних домашних встречах в виде драматических сценок, но дальше дело не пошло — Шостакович писал оперу “Леди Макбет Мценского уезда”, где сатира на ушедший старый мир являлась элементом монументальной трагедии: композитор назвал эту оперу трагедией-сатирой: если и звучал там смех, то сквозь весьма зримые миру горькие жгучие слезы.

Тридцатые годы были для Зоценко, как и для Шостаковича, временем перелома, тематического углубления, жанрового расширения. После оперы “Леди Макбет” Шостакович пишет несколько инструментальных сочинений и приступает к Четвертой симфонии, ставшей одной из вершин его трагедийного симфонизма. Зоценко выпускает повесть “Возвращенная молодость” — первый опыт в своеобразном научно-художественном жанре, о том, как управлять своим здоровьем, организовать жизнь, сохраняющую активность. Повесть Шостакович не только читал — он ее изучал как руководство к собственным действиям, ибо и в его психике было сходное с тем, что пережил и преодолел Зоценко: страх, меланхолия, ипохондрия, контрасты эмоциональных состояний, особое ощущение неких магнетических волн, исходящих от человека. Как и Зоценко, Шостакович уже в молодости обращался к помощи психиатров, даже лечился у них и тоже пришел к выводу о порядке, методе жизни, обеспечивающем творческое долголетие и душевное здоровье. В этом смысле Зоценко не столько открывал, сколько подтверждал то, к чему привел Шостаковича собственный трудный опыт. Примечательно, что вскоре после “Возвращенной молодости”, в страшные для страны годы массового террора, когда творчество Шостаковича изничтожалось, он ожидал ареста, к Зоценко тоже возвращались подавленность и страх; оба они ищут опоры в великом примере — в Пушкине, его цельности, любви, просветленности: Шостакович пишет цикл романсов на стихи Пушкина, Зоценко — повесть, названную шестой повестью Белкина, что указывало на источник стиля, к которому стремился недавний “чистый” сатирик.

В начале войны — осенью 1941 года Шостакович, возглавивший Ленинградскую композиторскую организацию, выступает перед коллегами с речью о важности сатиры и обращается к литераторам с просьбой “усилить работу по созданию сатирических и шуточных стихов и частушек”. Ленинградское радио ежедневно передает сатирические рассказы, фельетоны, многие из которых написаны Михаилом Зоценко. 15 июля 1941 года Шостакович приступает к сочинению Седьмой симфонии — монументальной трагедии со своеобразным поворотом сатирического начала как беспощадного и обобщенного обличения зла. Одним из первых о работе над симфонией узнал Зоценко. Позднее в статье “В эти дни” он из ряда событий, пережитых им в городе-фронте, выделил встречу, когда обоим захотелось поделиться тем, что делали, и Зоценко подробно расспрашивал о симфонии, о написанных тогда же песнях Шостаковича. Статья завершалась общим впечатлением: “Удивительно смотреть на композитора. Первое впечатление — слабости и беспомощности — чрезвычайно обманчиво. За тонкими чертами лица — мужество, сила и большая непреклонная воля”.

В 1943 году Зоценко публикует первую часть повести “Перед восходом солнца”, являвшуюся, в сущности, продолжением “Возвращенной молодости”: та же тема о сознательном самоуправлении психики. Материалы для новой повести накапливались десятилетиями и, в отличие от “Возвращенной молодости”, заключались не только в исторических примерах, аналогиях, но и в собственном опыте, в наблюдениях за выдающимися современниками, среди которых был Шостакович. Мариэтта Шагинян, писавшая в это время о музыке Шостаковича, именно с Зоценко делится своими впечатлениями о композиторе как примере редкой гармонии духовного и нравственного начал, совпадения образа человека с образом творца.

Зоценко предостерегает ее от упрощений, пишет об острой внутренней надломленности композитора: “В нем — огромные противоречия. В нем — одно зачеркивает другое. Это — конфликт в высшей степени”. Зоценко не отрицает впечатления Шагинян, считавшей Шостаковича хрупким, ломким, уходящим в себя, бесконечно непосредственным и чистым ребенком, но дополняет: “Он именно то, что Вы говорите, плюс к тому — жесткий, едкий, чрезвычайно умный, пожалуй, сильный, деспотичный и не совсем добрый (хотя от ума добрый)”. Так Зоценко, в сущности, дает основу для будущих многосторонних, лишенных иконописи изучений биографии композитора.

Когда в 1946 году Зоценко был изничтожен, объявлен писателем, чуждым советской действительности, лишен средств существования, Шостакович предложил ему материальную помощь и пристанище в Москве, в своей квартире. Зоценко отказался. Софья Васильевна изыскивала предлоги, чтобы пригласить Зоценко на обед. Для компании звала иногда внучку писательницы Клавдии Лукашевич, привлекавшую Лену Хмызникову, которой запомнилось, как Зоценко беспрерывно нервно курил и аккуратно складывал окурки столбиком в пепельнице: эту привычку перенял Шостакович. В 1948 году и он стал жертвой сталинской тирании, но, в отличие от Зоценко, смог внешне покаяться, пойти на тематические, стилистические компромиссы и даже извлечь из них некоторую пользу, сочинив образцы доступно-актуальной музыки; в то же время он создавал новаторские, полные трагизма партитуры, складывая их в стол, до лучших времен, в которые верил.

Шостакович выстоял. У писателя преодоления не получилось — провозглашенные им и воспринятые Шостаковичем принципы сознательного самоуправления психикой, у самого Зоценко в эту трагическую пору не сработали. Он пытался писать, занялся переводами, но сделанное не шло в сравнение с тем, что печатал прежде, и Зоценко это понимал. Помню ужас от посещения дома Зоценко в Сестрорецке по Полевой улице, где когда-то он счастливо завершал “Возвращенную молодость” строками: “Эта книга обявляет меня жить по крайней мере 70 лет”. Вскоре после его смерти вдова Вера Владимировна показывала комнатку Зоценко на втором этаже, куда нужно было взбираться по узкой шаткой лестнице и где на железной койке лежали подушечки с наволочками, сшитыми писателем: в молодости сапожник и столяр, в старости он, подчинившись тоске и страху, занимался шитьем — и почему-то только маленьких наволочек. Чтобы как-то сохранить сестрорецкий дом, в котором так много было создано, вдова собирала подписи. Безрезультатно.

В шестидесятые годы, уже тяжело больной, Шостакович как бы поднимает упавшее из рук Зоценко звание сатиры. Поначалу не без осторожности: музыкальные “Сатиры” на слова Саши Черного сопровождает подзаголовком “Картинки прошлого”. И все же премьера встречает препятствия, затягивается. Готовясь к своему 60-летию, Шостакович 4 сентября 1965 года завершает музыку на тексты из журнала “Крокодил” — пять миниатюр для баса и фортепиано, которые он с явной иронией называет романсами: музыка совершенно в стиле раннего Зоценко — тот же комизм нелепого, нарочитая обыденность, утрированный гротеск, изобличение воинственной пошлости и хамства. Зоценко черпал свои лаконичные рассказы из конкретных злободневных читательских писем. Для Шостаковича сатирическая публикация “Крокодила” в виде отрывков из писем — знак сегодняшнего дня, продолжение традиций Зоценко.

10 августа 1968 года Шостакович, с трудом передвигавшийся, отправился в Сестрорецк, на могилу Зоценко. В день десятилетия со дня смерти писателя там собрались многие, кого Шостакович знал, любил, ценил с молодости. Среди них была и вдова писателя Анатолия Мариенгофа, актриса Большого драматического театра Анна Никритина: она и оставила запись о том, как скорбно-волнующе проходила эта встреча у могилы и как печален был Шостакович.

Ему было отмерено еще семь лет жизни.